

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Е.Н. Солодкина

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны советские ученые часто обращались к истории международных отношений нашей страны, на трактовку которых явный отпечаток накладывали условия противоборства «социалистического лагеря» и государств Запада. В частности, заметный исследовательский интерес вызвали русско-английские связи второй половины XVI в. после их возобновлены.

Долгое время считалось, что ведущая роль в установлении этих связей принадлежит англичанам. Бытовало мнение, что первыми русскими, посетившими Англию, являлись О. Непея и его спутники, и их миссия (1556 г.) служила ответом на приезд Р. Ченслера. Я. С. Лурье, однако, установил, что русские посетили Англию еще в 1524 г. Это были послы князь И. И. Засекин-Ярославский и дьяк С. Б. Трофимов, направлявшиеся в Испанию. Они ехали через Нидерланды, но т. к. путь через Францию оказался для них закрыт ввиду обострения отношений между Габсбургами и Франциском I, послам пришлось добираться до Испании через Англию. Но едва ли, – считает Я. С. Лурье, – факт данной поездки остался тайной. Русские меха получали в Испании значительный сбыт, и в Англии, по мнению исследователя, вполне мог остаться подобный же след их пребывания; позже, в 1553 г., Х. Уиллоуби и Р. Ченслер, предпринимая экспедицию на северо-восток, несомненно, знали об этом визите русских¹.

Как обращал внимание М. С. Боднарский, по свидетельствам плававших в середине XVI в. в Северном Ледовитом океане в поисках северо-восточного прохода англичан и голландцев, они часто встречали русских промышленников между Белым морем, островами Вайгачем и Новой Землей, и уже в то время русские достигали на судах даже Оби. Известно, что Григорий Истома совершил плавание по Северному Ледовитому океану в 1496 г., т. е. гораздо ранее англичан и голландцев обошел Европу с севера, а позже, но все же до

1553 г., другой княжеский толмач, Василий Власов, был послан к «цесарю» в Испанию по Беломорскому пути.

Наши мореходы и другие русские люди того времени, – писал М. С. Боднарский, – оказались причастными к успехам западноевропейской географической науки. Многие английские и голландские мореплаватели, другие морские путешественники второй половины XVI в., равно как посещавшие Россию сухим путем посланники и торговые агенты иностранных государств того времени, черпали географические сведения о Северном Ледовитом океане и Восточной Европе у русских, фиксируя эти сведения (изредка проверяя собственным наблюдением и опытом) в своих трудах и первых картах Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Азии².

В. В. Мавродин находил, что предшествовавшая возникновению торговых и дипломатических связей Англии с «Московией» экспедиция Х. Уиллоуби, достигшая в 1553 г. устье Северной Двины, по-видимому, руководствовалась сведениями русских, в частности, информацией Дмитрия Герасимова.

Благодаря русским людям, – указывал В. В. Мавродин, – Х. Уиллоуби, Д. Ченслер, С. Барро, А. Пит, В. Баренц, Д. Горсей, С. Герберштейн, А. Дженкинсен, П. Иовий, А. Поссевин, Д. Флетчер, Д. Милтон, Д. Дефо и др. получили много полезных сведений о северных морях, почему исследователь заключил, что русским поморам человечество обязано знанием и освоением европейского и азиатского побережья Ледовитого океана и омывающих его морей³.

Я. С. Лурье отклонил распространенную в историографии XIX – первой четверти XX столетий точку зрения, будто отношения «Московии» и Британского королевства были лишены политического значения, а сводились исключительно к тор-

² Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. Л., 1947. Т. 1.

³ Мавродин В. В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен до XVII в. // Вопросы истории (далее – ВИ). 1954. № 8.

¹ Лурье Я. С. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века // Географический сборник Географического общества СССР. М.; Л., 1954. Т. 3.

говым связям. Недооценкой роли англо-русских контактов XVI в. в международной политике страдает и единственная посвященная им монография, написанная Н. Т. Накашидзе. Я. С. Лурье подчеркивал, что русская сторона проявила «строгую последовательность и целеустремленность» в отношениях с англичанами, тогда как их позиция оказывается весьма двусмысленной⁴.

В представлении Я. С. Лурье уже О. Непея в определенной мере добивался политических целей. Ведь в то время Англия являлась союзницей Испании, «в значительной степени шла в фарватере габсбургской политики». Внешняя политика России в тот период не могла вызвать неудовольствия Габсбургов, поскольку Иван IV враждовал с турками и крымцами, еще не вступил в конфликт с Ливонским орденом – вассалом германского императора в Прибалтике.

С 1558 г. Московское государство участвовало в Ливонской войне. Правительство Ивана IV, поддерживавшее оживленную торговлю с англичанами, неоднократно предлагало им вступить в союз в надежде на помощь, прежде всего получение военного снаряжения, для продолжения борьбы за выход на Балтику. Цели же британского правительства в отношениях с Россией, на взгляд Я. С. Лурье, являлись далеко не столь определенными. Англичане ради укрепления связей с Россией (хотя установление прямых торговых контактов через Нарву их явно устраивало) не собирались идти на разрыв с Польшей или Швецией, не желали «втягиваться в серьезный конфликт на востоке Европы, имея опасных соперников на западе». Поэтому, – находил исследователь, – переговоры о заключении союза, которые велись в XVI в., неизменно срывались, причем «по вине английской стороны». Однако в отличие от предшествующих историков, в том числе советских, безрезультативность таких переговоров ученый отказывался считать свидетельством того, что у Англии не было в России каких-то политических интересов либо последние являлись чисто колонизаторскими. То, что английский двор признавал «излишне рискованным прямой военный союз с Россией», в глазах Я. С. Лурье объясняется «общей позицией британского королевства в системе международных отношений второй половины XVI в.».

Если с первых месяцев Ливонской войны Габсбурги заняли относительно России враждебную

позицию, в английской политике относительно России такого изменения не произошло, – констатирует Я. С. Лурье, – поскольку в том же году, когда началась война в Прибалтике, со смертью Марии Тюдор и вступлением на трон ее сестры Елизаветы личная уния между Англией и Испанией, прервалась и отношения между этими странами стали обостряться. К тому же англичане развернули активную торговлю, в том числе стратегическими материалами, с появившимися на Балтике «москвитами».

Экономически выгодное сотрудничество с Англией скорее всего и навело Грозного на мысль о заключении и политического союза. Вероятно, – пишет Я. С. Лурье, – здесь не обошлось без влияния шведского короля Эрика XIV, который одновременно, в 1567 г., вел переговоры о совместных действиях с Елизаветой I и царем Иваном⁵. Связь проектов русско-шведского и русско-английского союзов (хотя, по признанию исследователя, это мнение не выходит за рамки гипотезы) кажется Я. С. Лурье тем более вероятной, что Эрик XIV находился во враждебных отношениях с Габсбургами.

Но вскоре в Швеции в результате государственного переворота к власти пришел Иоганн III, заклятый враг России. Московскому правительству не удалось добиться и союза с англичанами, что царь склонен был объяснять «политической неспособностью» королевы и «изменническим поведением» своего посла в Англии А. Совина. Я. С. Лурье считает неудачу русско-английского сближения в 1560-х гг. результатом «общего направления английской политики»: союз с «Московией» мог бы вовлечь Елизавету в такие дипломатические осложнения, которые тогда казались ей слишком рискованными.

С начала 80-х гг. XVI в. русско-английские связи опять приобретают важное международное значение, и новая попытка установления союзнических отношений имела под собой гораздо более благодатную военно-политическую почву, чем первая, – думалось Я. С. Лурье. То была пора прямого столкновения между католическими силами во главе с Испанией и их противниками, прежде всего Англией и Нидерландами, а «опаснейшим врагом Габсбургов являлся турецкий султан». В этих условиях роль России как страны, которая продолжала войну в Прибалтике и являлась «силь-

⁴ Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. : сб. статей. М., 1961.

⁵ Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1948. Т. 61. С. 121; Он же. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.

нейшим соседом» Османской империи, представлялась исследователю особенно значительной. В конце Ливонской войны к Елизавете был отправлен проживавший в России английский купец Д. Горсей с тайными грамотами, содержащими, по мнению историка, предложение военного союза. В 1582 г. русский посол Ф. Писемский вел в Англии переговоры, которые носили уже вполне конкретный характер и имели в целом положительный исход. Одной из причин, заставивших Елизавету в 1582–1583 гг. с большим вниманием, чем прежде, отнестись к идее союза с Россией, явилось столкновение англичан с папскими войсками в Ирландии и вмешательство королевы в войну в Нидерландах. Но русско-английский союз опять не состоялся. Вину за срыв переговоров Я. С. Лурье полностью возлагает на «дипломатическую бестактность Бауса (королевского посла к Ивану IV – авт.) и его явное нежелание вести какие бы то ни было разговоры на международные политические темы». Для «Московской компании» же английских купцов тяжелым ударом послужил отказ Грозного подтвердить ее монополию на торговлю с Россией⁶.

Я. С. Лурье признавал необходимым детальное исследование не только официальной, но и скрытых сторон русско-британских дипломатических отношений. Даже более значительной, чем переговоры о союзе двух стран, ученый находил чрезвычайно оживленную закулисную политическую деятельность агентов западноевропейских держав, враждебных и Англии, и России (папского престола, Испании, Империи). В 1587 г. – в момент, предшествующий нападению Непобедимой армады, – Елизавета вынуждена была избрать более решительную тактику и обратить свой взор к России. Но именно в это время отношение московского правительства к англичанам приобретает негативный оттенок, – констатирует Я. С. Лурье.

На его взгляд, целью посольств Д. Флетчера (1588–1589 гг.) и Д. Горсея (1590–1591 гг.) в Москву явилось сохранение дружественных отношений между Русским государством и Англией, существовавших при Грозном. Для этого Елизавете предстояло сделать недвусмысленный выбор между Турцией и Швецией. Так как последняя постепенно переходила от вражды к Габсбургам к союзу с ними, отдаляясь от Англии, предпочтение отдали Османской империи ввиду того, что она имела большой вес на Средиземном море. И в 1590 г., когда вспыхнула новая русско-шведская война,

королева писала царю Федору о возможности военного союза двух стран, но такое предложение, обличенное «в форму довольно сомнительной исторической справки», в Москве не было воспринято⁷.

Конец XVI в. отмечен заметным оживлением русско-английских торговых связей, которые исследователи часто противопоставляли политическим. В представлении же Я. С. Лурье тогда «внешняя торговля Англии была важнейшим фактором ее политического существования как преимущественно морской державы». Недаром испанский король Филипп II настойчиво, хотя и безуспешно, добивался того, чтобы отрезать Англию подобно Нидерландам от восточноевропейского сырья. Правительство Федора Ивановича, отказавшись от планов союза с Англией, тем не менее сохранило (хотя и в урезанном виде) торговые привилегии англичан. Эти привилегии были подтверждены и царем Борисом, который подобно Грозному добивался союза с Елизаветой I. Попытки сближения с Россией натолкнулись на противодействие «абсолютистских политических кругов Англии», которые не желали участвовать в новых международных союзах. Однако интерес к «Московии» у передовой части английского общества сохранялся вплоть до польско-литовской интервенции на Руси, – полагал Я. С. Лурье.

Н. Т. Накашидзе, касаясь вопроса о месте и роли Беломорского пути в отношениях двух стран, ставит под сомнение утверждавшуюся в «буржуазной литературе» ведущую роль англичан в открытии этого пути в Россию. Он был известен русским мореходам задолго до экспедиции Ченслера, отсутствие же соответствующих свидетельств объясняется, на взгляд ученого, «влиянием правительственных строгих запретов разглашать все, касающееся морских путей».

Экспедиция Х. Уиллоуби совпала со временем подготовки Иваном IV Ливонской войны. В это время Россия остро нуждалась в мастерах-оружейниках и сырье. Именно поэтому Грозный добивался союза с Англией, даровав ее купцам целый ряд льгот, – утверждал Н. Т. Накашидзе. (Так, англичане получили права исключительной беспощадной торговли, свободы поездок на Восток – в Персию и Среднюю Азию.) Н. Т. Накашидзе оспаривал точку зрения И. И. Любименко о стремлении «Московской компании» к заключению военно-политического союза ввиду полученных ею серьезных

⁶ Там же. С. 122–123. См. также: Путешествия русских послов: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 386–387.

⁷ Лурье А. С. Русско-английские отношения... С. 440–441

экономических выгод, полагая, что дарованные им привилегии подталкивали англичан к осуществлению экспансионистских планов относительно России⁸. Н. Т. Накашидзе не считал, что Англия старалась оказывать помощь русским в ходе Ливонской войны, т. к. в случае их победы компания утратила бы свое привилегированное положение в России. Им отмечается факт привоза англичанами боеприпасов в Россию в годы войны за Прибалтику, но какого-либо влияния на ход боевых действий он якобы не оказал, ибо оружие доставлялось в незначительном количестве⁹, и то по окончании войны в Ливонии (здесь автор впадает в явное противоречие). По заключению исследователя, по тем же причинам Англия не поддерживала Ивана IV и его преемников, стремившихся развивать отношения с Данией и империей Габсбургов, препятствовала русским в овладении передовой техникой. В оценке историка Англия оказывала всяческое противодействие России в польском и турецком вопросах, представлявших для нее первостепенный интерес.

На взгляд Н. Т. Накашидзе, в планы английского кабинета входило полное подчинение внешней торговли России как с западными, так и с восточными странами, установление контроля над всеми проходящими через нее транзитными путями. Кроме того, англичане якобы предполагали с течением времени взять под контроль и экономику Русского государства благодаря своему господству в ряде ведущих отраслей промышленности (железообрабатывающей, рыбной, канатной); далее при помощи экономического давления планировалось подчинить внутреннюю и внешнюю политику «Московии». В случае же неудачи рассматривался вариант насильственного захвата власти в России и установления там протектората британской короны. Таким образом, в своих колонизаторских

планах англичане были готовы зайти крайне далеко, – утверждал Н. Т. Накашидзе¹⁰.

Тем не менее он констатирует ряд положительных сторон в отношениях двух государств. С потерей Нарвы через беломорские порты стали осуществляться все морские связи России с Западной Европой. По мнению Н. Т. Накашидзе, несмотря на исключительно колонизаторский характер английской политики в отношении России, следует все же признать, что установление постоянных, прежде всего экономических, контактов между двумя странами сыграло позитивную роль в функционировании русского рынка и способствовало выходу Московского государства на международную экономическую арену.

С точки зрения А. С. Самойло, Д. Флетчер стремился натравить английское правительство на Россию, толкал его на насильственные разбойничьи действия против русских. Свидетельством этому является докладная записка бывшего королевского посла в Москве Елизавете I «Причины упадка торговли с Россией»¹¹, включающая особый раздел под заголовком «Средства для устрашения русского царя и содержания его в должных границах». Среди этих «средств» на первом месте названа угроза насильственно закрыть доступ для иностранных судов в порт св. Николая. Флетчер исходил из того, что англичане могут распоряжаться на морских границах Руси, что моря принадлежат им и они могут произвольно закрывать их. (В противоположность английской доктрине «закрытых морей» русская дипломатия выдвигала принцип свободы морей.) Вторым «средством», – указывает А. С. Самойло, – считается дипломатическое давление – путем демонстрации переговоров с тогдашними противниками России Польшей, Швецией и Турцией. Наконец, в качестве третьего «средства» королеве рекомендуется разбойничье нападение на Печорскую ярмарку.

Другой английский документ (в оценке историка откровенно разбойного характера) – «Записка неизвестного автора о Соловецком монастыре» – содержит солидно разработанный план налета на богатую обитель. По предположению А. С. Самойло, экспедиция не была осуществлена благодаря бдительности русских властей. На его взгляд, английские купцы и английское правительство совер-

⁸ Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955. С. 106–107. Вопрос о праве «Московской компании» на торговлю через Астрахань со странами Средней Азии и Ираном занимал большое место в русско-английских отношениях XVI в. См.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки (далее – ИЗ). М., 1950. Т. 34. С. 268–269; Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е гг. XVII вв. М., 1963. С. 226.

⁹ Это обстоятельство следом отмечалось и В. Сарычевым. См.: Сарычев В. Установление русско-английских экономических связей во второй половине XVI столетия (к четырехсотлетию первого русского посольства в Англию) // Сб. науч. работ Ленингр. гос. ин-та советской торговли. 1956. Вып. 10. С. 170.

¹⁰ Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения... С. 109

¹¹ А. С. Самойло подобно Э. С. Виленской счел этот документ неопубликованным, хотя он увидел свет, как отметил Н. Ф. Прончатов, в Англии еще в конце XIX в., причем с указаниями имени автора (Х. Борроу, а вовсе не Д. Флетчер) и даты написания (1587 г.).

шенно не учли уровня экономического развития, силы, степени организованности и культурного уровня Московского государства XVI в. Они встретили здесь отпор не только со стороны властей, но и со стороны населения, в частности, торговых людей¹².

Как полагал П. П. Смирнов, жалованные грамоты Ивана IV, прославившего «английским царем», помогали иностранным купцам захватывать русский рынок, что происходило и при покровительствованном иноземцам Борисе Годунове (нередко англичане и голландцы даже вели торговые операции на деньги царской казны, правителя и других сановников)¹³.

Э. С. Виленская сводила русско-английские отношения XVI в. к стремлению Англии установить свое экономическое господство в России и дипломатической борьбе московского правительства за сохранение национального суверенитета.

Как отмечала исследовательница, поводом для посольства Д. Флетчера в Москву явилось так называемое дело А. Марша – спор о долгах бывшего служащего английской торговой компании, который от ее имени задолжал русским купцам. Однако за официальным поводом скрывались, по словам Э. С. Виленской, совершенно другие цели, прежде всего стремление добиться от царя Федора Ивановича привилегий для этой компании, которые полностью отдали бы в ее руки всю внешнюю торговлю России.

Требования, которые Д. Флетчер выдвинул на переговорах в Москве, представляли собой программу развернутого наступления Англии на русские рынки, – полагала исследовательница. Так, британское правительство прямо поставило вопрос о передаче всей внешней торговли России в руки англичан и под их контроль. Пытаясь направить экспансию своей страны дальше на восток, королева Елизавета стремилась ограничить права русских купцов в их собственном государстве, – находит исследовательница¹⁴.

Недовольный результатами своего посольства (он не добился возвращения Англии монопольного положения на русских рынках), Флетчер в до-

кладной записке предложил королеве методы нажима на московские власти. Автор записки особо подчеркивает желательность перенесения осуществлявшейся компанией торговой деятельности (которая нуждается в значительном расширении) из тех городов, где находились подворья и склады англичан, к беломорскому побережью. При этом, – думается Э. С. Виленской, – преследовались одновременно две цели: отдалить компанию от контроля царской администрации и создать условия для фактического захвата всего русского Севера; перенесение торговли в Поморье дало бы возможность подданным королевы контролировать всю внешнюю торговлю России, чинить препятствия иностранным судам и даже вовсе не допускать их к пристанищам, чего дипломатическим путем англичане не смогли добиться у правительства Ивана Грозного и Бориса Годунова.

Автор записки, изобилующей в оценке исследовательницы клеветническими выпадами против России, не пытается лишь умиловать московского самодержца, а предлагает решительные действия, в частности, превратить в систему государственного захвата северного морского пути те частные и единичные попытки закрыть доступ иностранным судам в устье Двины, которые имели место незадолго до приезда Флетчера в Россию. Совет автора присвоить пушнину, свеженную на Печорскую ярмарку, как думается Э. С. Виленской, – это открытый призыв к агрессивным действиям. Характерно, – полагает она, – что английское правительство считает своих купцов бесспорными владельцами северного морского пути и претендует на побережье, к которому он ведет.

Есть достаточно веские основания предполагать, что королева Елизавета в несколько другой форме, но все же воспользовалась предложениями автора записки, – считает исследовательница.

Вполне сформулированная экспансионистская программа Англии по отношению к России, изложенная во время переговоров Флетчера в Москве, не могла осуществиться мирным путем, поскольку она встретила резкий отпор со стороны русского правительства. Этим и объясняет Э. С. Виленская попытку англичан найти новые формы борьбы за установление своей монополии в России. По убеждению исследовательницы, Англия не имела достаточных сил для одновременного ведения войны с испанцами и открытой борьбы с Московским государством. Вместе с тем, остро заинтересованная в русском сырье (мачтовый лес, пенька, воск и др.), она не могла решиться на обострение отно-

¹² Самойло А. С. Провал попытки английской компании захватить русский рынок в XVI и первой половине XVII века // Учеб. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1955. Т. 22. Вып. 2.

¹³ Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1.

¹⁴ Виленская Э. С. К истории русско-английских отношений в XVI в. (неизданная записка Джилса Флетчера королеве Елизавете) // Изв. М., 1949. Т. 29.

шений с правительством царя Федора, что, несомненно, учитывали русские дипломаты¹⁵.

По наблюдению Л. С. Берга, уже в 1582 г. англичане стали домогаться у московского правительства привилегии на исключительное право торговли в устьях Северной Двины, Печоры, Оби и Енисея¹⁶.

На взгляд В. Н. Скалона, англичане, которые с 1553 г. пытались через Россию проникнуть в Китай (по северным морям), а в 1584 г. вели и сухопутную разведку путей в Сибирь (А. Марш), напрасно приписывали себе «приоритет открытия морского пути в Московию». Подданные британской королевы, стремившиеся к территориальным приобретениям, по словам ученого, «предъявили Грозному довольно наглую претензию на установление монополии морской торговли в пользу Британии»¹⁷.

В представлении М. М. Ябровой Англия, стараясь полностью подчинить себе торговые отношения с Россией, мешала налаживанию ее более обширных связей с государствами Западной Европы. Не Нидерланды самостоятельно вытеснили Англию из России (как утверждала И. И. Любименко), а русские цари сами стремились избавиться от абсолютной монополии «Московской компании» и воспользовались для этого соперниками англичан – голландцами, – заключила исследовательница. Хотя, по ее мнению, о сколько-нибудь значительном проникновении голландцев в Россию и их успешной конкуренции с этой компанией в 70–80-е гг. XVI в. говорить нет оснований, с 1580-х гг. ни о какой монополии на русском Севере для англичан уже не могло быть и речи. Это тоже позволяет М. М. Ябровой отрицать, что Россия явилась лишь ареной англо-голландской борьбы, а московское правительство – пассивным ее созерцателем. Оно представляется М. М. Ябровой в значительной степени инициатором этой борьбы, занимавшим совершенно самостоятельную позицию в отношении обоих конкурентов.

Положение англичан в России к 1570-м гг. стало довольно шатким. Для них стали ясны непреодолимые трудности освоения северо-восточного пути и неопределенность дальнейших перспектив. Вот почему именно в этот период, – находит

М. М. Яброва, – взоры английских купцов и колонизаторов обращаются на северо-запад¹⁸.

В оценке Н. П. Черкашиной вопреки показаниям источников большинство отечественных ученых скрывало агрессивные замыслы англичан, пытались приписать им культу ртрегерскую роль, а разногласия в англо-русских отношениях объясняли неумеренностью требований Ивана Грозного. С точки зрения исследовательницы, в середине XVI – начале XVII вв. Россия интересовала Англию как рынок сбыта товаров, захват которого обеспечил бы широчайшие возможности для эксплуатации ее населения и богатств, как опорный пункт для дальнейших захватов.

В конце 1580-х гг., когда положение «Московской компании» стало особенно плачевным, а русское правительство категорически отказалось разрешить ей торговлю с Персией по Волге и закрепить за англичанами монополию торговли через Белое море, в их среде родился замысел об организации грабительской экспедиции в Россию. Он нашел выражение в подготовленной королеве записке (о которой уже шла речь).

Следующий, по мнению Н. П. Черкашиной, план нападения на Россию возник в середине 1590-х гг., после того как Д. Флетчеру и Д. Горсею не удалось добиться возвращения компании привилегий, подобных тем, что она получила в 1569 г. Этот план был изложен в упомянутой «Записке неизвестного автора о Соловецком монастыре», где излагались способы захвата богатой обители.

Н. П. Черкашина пришла к выводу, что по отношению к России «Московская компания» преследовала те же цели, что относительно ряда других стран: хищническая эксплуатация природных богатств и насильственный захват, а вся деятельность компании в Русском государстве направлялась на его экономическое подчинение Англии, превращение России в рынок для английской буржуазии. По словам автора, правительство Ивана IV и его преемников, разгадав «разбойничьи замыслы и агрессивные планы Московской компании», не допустило монополизации последней российского рынка, содействуя отечественным купцам и привлекая к торговле других иностранцев.

Как писала Н. П. Черкашина, провал планов компании захватить русский рынок породил ее намерения об организации новых разбойничьих

¹⁵ Там же. С. 133

¹⁶ Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л. 1949.

¹⁷ Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII века и освоение Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–76. Первое издание этой книги появилось в 1951 г.

¹⁸ Яброва М. М. Начало колониальной экспансии Англии: 70–80 гг. XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (далее – АКД). Л., 1950.

экспедиций в Россию с целью ограбления ее северных земель и даже присоединения их к Англии¹⁹.

Н. Ф. Прончатов считал искусственным разделение русско-английских отношений на торговые и независимые от них политические, признав необходимым рассматривать эти виды связей в тесном единстве. Исследователь отвергал и мысль, будто Россия не имела какого-либо политического значения для Англии, а та играла роль «передатчика» западной культуры в Московское государство.

С точки зрения Н. Ф. Прончатова, русское правительство правильно оценило пользу регулярных «сношений» с Англией, частично подрывавших блокаду, осуществляемую западными соседями России. В Москве ясно понимали перспективы дальнейшего развития страны, которой необходим был морской путь в Европу. Деловые же круги английского общества жили надеждами на выгодную торговлю с Россией, обещавшей стать важным поставщиком необходимых материалов для кораблестроения и рынком сбыта товаров. Но в этих кругах уже созревали и планы экономического закабаления «Московии».

Вопреки мнению предшествующих историков Н. Ф. Прончатов полагал, что Англия всячески уклонялась от ввоза русским оружия, и его поставки в Россию носили более чем эпизодический характер. В английском же вывозе оттуда большую роль играли товары и стратегического значения (канаты, лен, пенька, смола, деготь), и те, которыми компания вела посредническую торговлю с континентальной Европой (воск, сало, ворвань, пушнина, железо и др.).

В глазах Н. Ф. Прончатова Иван Грозный пытался склонить Англию к заключению военно-политического союза посредством «обширной привилегии» 1569 г., которая отдавала русский рынок в безраздельное господство англичан. Но вступление привилегии в силу обуславливалось, на что ранее не обращалось внимания, подписанием такого союза. К началу 1580-х гг. кратковременный период процветания «Московской компании» в России окончился; царские пожалования приносили англичанам все меньше льгот.

Когда в конце жизни идея англо-русского сближения вновь овладела Грозным, переговоры с ним опять протекали под контролем сторонников «осторожной» политики, которые не желали предпринимать реальные шаги. Смерть же Ивана IV озна-

чала окончание длительной полосы дипломатических переговоров об англо-русском военно-политическом союзе. Как заключает Н. Ф. Прончатов, английская буржуазия не смогла добиться в крепнувшем Русском государстве осуществления своих экспансионистских планов²⁰.

С. А. Фейгина находит парадоксальным вывод В. Кирхнера (основанный на приблизительном совпадении по времени прихода первого английского судна в устье Северной Двины и завоевания Иваном IV Нарвы) о том, что непредвиденным результатом открытия Беломорского пути явилось пробуждение интереса к России, прежде всего к балтийским морским путям, а это подняло значение Нарвы. Конфликт, возникший между компанией и ее конкурентами в 1570-х гг., исследовательница признает показателем значения нового русского рынка для английского купечества²¹.

В. Сарычев, подчеркнув необходимость выяснения взаимной заинтересованности России и Англии в установлении регулярных торговых связей, находит, что Р. Ченслер, будучи опытным и ловким купцом, за короткое время своего пребывания в Московском государстве увидел и правильно оценил открывшиеся возможности торговли с огромной северной страной. Составленный им отчет о путешествии, содержащий подробную политическую, экономическую и военную характеристику России, вызвал большой интерес у лондонских купцов, и уже 5 февраля 1555 г. парламентом был утвержден устав «Компании английских купцов», получившей монопольное право на торговлю с Россией²².

В оценке В. Сарычева с того времени вопросы торговли сделались главной темой переговоров и дипломатической переписки между Англией и Русским государством. Экономические контакты двух стран с середины XVI в. становятся регулярными, а внешнеторговый оборот между ними непрерывно возрастал.

Установление прямых связей с Англией исследователь признает большим дипломатическим успехом правительства Ивана IV. Ведь благодаря этим связям частично оказалась прорванной блокада Русского государства, тормозившая развитие производительных сил и укрепление обороноспособности России.

²⁰ Прончатов Н.Ф. Англо-русские отношения в конце XVI в. (80–90 гг.): АКД. Горький, 1955.

²¹ Фейгина С.А. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI–XVIII веках // ВИ. 1955. № 12.

²² Сарычев В. Установление русско-английских экономических связей... С. 167.

¹⁹ Черкашина Н. П. История Московской торговой компании в XVI–XVII веках: АКД. М., 1952.

Как находит В. Сарычев, англичане не имели возможности производить обменные операции непосредственно с населением и должны были вести свою торговлю лишь при посредстве местного купечества. Тем самым московское правительство под влиянием русских торговых людей существенно препятствовало попыткам экономической эксплуатации России со стороны иностранного капитала.

Характеризуя размеры и структуру русско-английской торговли второй половины XVI в., ученый ставит на первое место экспорт из России кораблестроительных материалов, имевших особенную ценность для Англии в связи с возросшими масштабами строительства ее военно-морского и торгового флота²³. В представлении В. Сарычева высокое качество русских снастей имело большое значение для разгрома испанской Непобедимой армады летом 1588 г. и содействовало дальнейшим морским победам Англии.

²³ Там же. С. 171.

Исследователь считает важным отметить, что уже с XVI в. начинается вывоз в Англию русского металла. В английской же торговле с Россией с самого начала определенное место занимали реэкспортные операции. По заключению В. Сарычева, в русской внешней торговле конца XVI столетия Англии принадлежало ведущее место, налицо и серьезная взаимная заинтересованность Русского государства и Англии того времени в тесных экономических связях друг с другом.

Итак, в условиях начавшейся «холодной войны» советские историки, изучавшие отношения между Россией и Англией во второй половине XVI в., часто приписывали «Московской компании», да и кабинету Елизаветы I вообще, колониаторские замыслы, хотя порой указывали на положительные стороны возобновившихся после многовекового перерыва русско-английских контактов и для Московского государства.